

Лиана ИСАКАДЗЕ:

Труд. - 1998.
- 2 июня с. 1, 6

Искусство и соревнование — вещи несовместимые

**Перед самым началом конкурса Чайковского
члены жюри не знают о его условиях**

9 июня в Москве, в Большом зале Консерватории, состоится открытие XI Международного конкурса имени Чайковского, в котором примут участие 532 человека. Нынешний конкурс юбилейный, ему исполняется сорок лет, и организаторы предложили целый ряд новшеств: увеличилось число учредителей (с 3 до 5), членов оргкомитета (с 15 до 25) и членов жюри по всем четырем дисциплинам. Предполагается и новая, закрытая система оценок участников, уже вызывающая множество сомнений.

Об этих новшествах, а также о задачах и проблемах конкурса идет разговор в интервью с председателем жюри скрипачей народной артисткой СССР **Лианой Исакадзе**, которое она дала нашему корреспонденту, находясь на гастролях в Санкт-Петербурге.

— **На прошлом конкурсе Чайковского вы, Лиана, единственная из членов жюри решительно отказались поставить свою подпись под протоколом и даже не пришли на вручение премии лауреатам. Хотя, насколько я знаю, роптали многие. Подобного, кажется, не случилось на этом конкурсе. Чем был вызван столь решительный протест?**

(Окончание на 6-й стр.)

Фото Александра ФИРСОВА.

СПРАВКА: Лиана Исакадзе — народная артистка СССР, лауреат трех международных конкурсов (1-я премия). В 1981 году возглавила Государственный камерный оркестр Грузии, с которым в 1990 году переехала в Германию. В 1992 году под Мюнхеном открыла Международную академию струнных инструментов, художественным руководителем которой является по сей день. Организатор ряда музыкальных фестивалей.

Искусство и соревнование — вещи несовместимые

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Я была очень разочарована результатами работы. Поначалу думала, что оценки коллег в основном совпадают. Но потом вдруг произошло нечто странное и неожиданное: комиссия проголосовала за то, чтобы первую премию никому из скрипачей не давать, а вторую разделить между музыкантами, на мой взгляд, совершенно разного уровня. Мой протест не возымел действия, и тогда я решила не участвовать больше в работе конкурса.

— И вот теперь вы — уже председатель жюри. Слышала, что пришлось долго уговаривать вас...

— Действительно, я не сразу согласилась. Не хотелось изменять своему принципу: никогда не участвовать в том деле, в котором не имеешь возможности повлиять на результат, даже самый несправедливый. Особенно, если от этого зависят судьбы людей! Так, в свое время я отказалась работать на конкурсе имени Жака Тибо в Париже, на котором сама, в 18 лет, завоевала 1-ю премию.

— А что произошло на том конкурсе?

— Произошла, на мой взгляд, чудовищная несправедливость, нередкая в рыночных условиях. В тот год спонсором конкурса была Япония, и все шесть премий безоговорочно, а главное, вопреки объективности были отданы участникам из этой страны. Мы вдвоем с американцем протестовали, но безрезультатно. Тогда я в интервью французскому радио сказала даже: «Мне стыдно быть лауреатом вашего конкурса» (смеется). С тех пор я для французского «несговорчивая».

— А что ожидаете от предстоящего, юбилейного конкурса в Москве? Какие из нововведений радуют, обнадеживают, а что, может быть,стораживает вас?

— Ну, начнем с того, что ужестораживает. О самих «новшествах» я узнала совершенно случайно, приехав в Санкт-Петербург дать концерт и мастер-класс в рамках VI Международного фестиваля искусств. Узнала из газетной публикации двухнедельной давности. А ведь я председатель жюри и должна бы знать обо всем заранее. Но, увы, до сих пор мне неизвестно даже, на каких условиях я сама приглашена. Такого не было ни на одном из конкурсов, где довелось работать. Ни в одной стране!

— Вы довольны составом жюри, которое, как пишут, предлагали сами?

— Как председатель, я вправе решать данный вопрос самостоятельно, так принято во всем мире.

Во всяком случае, со мной должны были советоваться по каждой кандидатуре. Российских членов жюри подбирал оргкомитет: дома, как говорится, виднее. За мной оставалось восемь зарубежных кандидатур, и я тщательно продумывала, отбирала, составляла список... В результате из двенадцати, предложенных мною, приглашены только три человека! Остальные даже не знали о приглашении. Больше того, в состав жюри введен человек, против кандидатуры которого я категорически возражала!

— Наверняка кому-то ваши претензии покажутся незначительными на фоне всеобщего ожидания предстоящего события...

— Поверьте моему опыту работы в жюри многих конкурсов: любой «пустяк» может привести к серьезным нарушениям. А это недопустимо в работе, от результатов которой, повторяю, хоть в какой-то степени зависят судьбы людей.

— Как вы относитесь к самому факту такого влияния результатов конкурса на судьбы? Молодые музыканты все чаще воспринимают такое соревнование как средство пробиться на большую сцену.

— С одной стороны, это справедливо: именно наиболее талантливые должны заниматься высоким искусством. С другой стороны, я всегда была убеждена: подобный вид музыкального соревнования не самый надежный способ для выявления молодых дарований. История конкурсов знает немало случаев, когда по-настоящему одаренные молодые музыканты во время этого марафона по какой-то причине не могут проявиться в полную меру. Скажем, нервная система конкурсанта оказалась чувствительнее, чем у соперников, или слабее подготовлен в плане техники (например, учился у не очень сильного преподавателя), помешал оркестр (примеров в прошлый раз было достаточно), наконец, просто не успел набраться опыта публичных выступлений... И в результате проигрывает. После чего нередко карьера для него как для музыканта закрывается.

— Но если конкурсант не владеет хорошей техникой плюс не справляется с волнением, то способен ли он вообще концерттировать как солист?

— Концерт и соревнование — совершенно разные вещи и требуют различных качеств. Вообще я считаю, что искусство и соревнование — вещи несовместимые.

Конечно, хотелось бы, чтобы такой конкурс был праздником музыки, а не пыткой для психики каждого из участников и страшным разочарованием для «проигравших». Не должен он быть шлагбау-

мом, открывающим или закрывающим путь на большую сцену.

— А как на Западе решают, кому предоставить эту большую сцену, а кому нет?

— Да очень просто. Там растят талант, можно сказать, ведут его за руку с малых лет. Для этого существуют спонсоры, которые внимательно отслеживают одаренных детей и берут их под свое покровительство. Спонсоры обеспечивают и рекламой, и залом, и инструментом, и будущим (последним, разумеется, и себя самих). Случается и другое: ребенок подавал надежды, но потом стало ясно, что особым талантом бывший вундеркинд не обладает, а деньги уже потрачены, и немалые. И тогда начинается проталкивание, бешеный рекламный натиск.

— Как вы относитесь к предложению директора нынешнего конкурса Усанова сделать систему оценок «полностью закрытой, без обсуждения на третьем туре», что, по его мнению, сможет максимально гарантировать объективность?

— Это как, простите, без обсуждения? Я что-то не поняла...

— На каждом туре члены жюри будут ставить свои баллы, а счетная комиссия представит вам результат в виде цифр, без фамилий. И вы, в жюри, до последнего не будете знать, кто лидирует, а кто замыкает список. Даже после третьего тура будете не обсуждать претендента на 1-ю премию, а вычислять его опять же по баллам, привязанным только к жеребьевочным номерам.

— Да это просто нереально и алогично! Зачем же тогда приглашать в жюри именитых исполнителей и профессоров, если они не смогут даже обменяться мнениями по каждому конкурсанту, высказать свою точку зрения, послушать других. Ведь оценка каждого должна быть аргументированной, а при закрытой системе любой член жюри, скажем, имеющий свой интерес, может намеренно зависть или снизить балл, и об этом никто не узнает. Нет, нет, здесь анонимность недопустима!

— Ну хорошо, а с чем вы согласны, чтонибудь вас порадовало из намеченных новшеств?

— Порадовало, что генеральным спонсором будет российская компания, то есть конкурс будет, так сказать, независимым, а значит, очень надежным, и объективным. То есть парижская ситуация уже исключается. Ну и, конечно, вдохновляет тот факт, что художественным руководителем назначена Ирина Архипова, человек твердых принципов, глубоко порядочный, личность сильная и независимая, художник высочайшей культуры.

Светлана АНТОНОВА.